

Религія и соціалізмъ

То обстоятельство, что «Современныя Записки» съ нѣкотораго времени стали удѣлять не только серьезное, но и сочувственное вниманіе проблемамъ религіознаго сознанія, встрѣчено было въ опредѣленныхъ кругахъ эмиграціи немалымъ недоумѣніемъ. Многимъ было непонятно, а иныхъ огорчало или раздражало такое отношеніе къ религіознымъ проблемамъ со стороны журнала общественнаго, не спеціально религіозно - философскаго, и при томъ же въ политическомъ отношеніи претендующаго на опредѣленно демократическую, даже, если угодно, лѣвую репутацію, ибо «Совр. Записки» редактируются «четырьмя соціалистами революціонерами».

Оговоримся съ самаго же начала. Никогда «Современныя Записки» не были ни формально, ни по существу органомъ партійнымъ, — однопартійный составъ ихъ редакціи является чистой случайностью. Редакція, еще только приступая къ изданію журнала, въ предисловіи къ первой книжкѣ объявила его виѣпартійнымъ, и весьма широко намѣтила какъ общія задачи журнала, такъ и предѣлы свободы для высказыванія индивидуальныхъ мнѣній сотрудниковъ. Выдвигая на первое мѣсто задачу собранія русской культуры, редакція обязалась широко открыть страницы журнала «для всего, что въ области художественнаго творчества, научнаго изслѣдованія или исканія общественнаго идеала представляетъ объективную цѣнность съ точки зрѣнія русской культуры». Могли ли эти страницы остаться закрытыми для обсужденія проблемъ религіознаго сознанія, особенно обострившихся въ наше время? Само собою разумѣется, что развиваемое кѣмъ-либо изъ сотрудниковъ положительное религіозное міровоззрѣніе отнюдь не можетъ считаться исключительно опредѣляющимъ направленіе журнала. Оно является, хотя и весьма существеннымъ, но только однимъ изъ звеньевъ того болѣе широкаго идеалистическаго фронта, выраженію и защитѣ котораго служить «Совр. Записки».

Однако и при этихъ оговоркахъ все же остается фактъ, что на страницахъ лѣваго общественнаго журнала допущенъ религіозный, даже опредѣленно православный «уклонъ», — пусть въ качествѣ лишь одного изъ голосовъ въ общемъ хорѣ, но вполнѣ на ряду съ другими равноправнаго. Явленіе — достаточно необычное и даже соблазнительное, нарушающее традицію безрелигіознаго свободомыслія, издавна господствующую среди свободолюбивой русской интеллигенціи. Соціально-политическій радикализмъ никогда въ ея сознаниі не былъ примиримъ съ религіозностью вообще и тѣмъ менѣе съ религіозностью церковной. Когда въ началѣ девятисотыхъ годовъ нѣсколько талантливыхъ русскихъ ученыхъ и философовъ — С. Н. Булгаковъ, Н. А. Бердяевъ, С. Л. Франкъ и др. — пришли къ утвержденію религіи, какъ основы общественнаго міросозерцанія, — это былъ и для нихъ, до того примыкавшихъ къ социализму, и для всей прогрессивной интеллигенціи моментъ обоюднаго рѣшительнаго и рѣзкаго разрыва. Такова была сила убѣжденія русской интеллигенціи въ реакціонной сущности религіи и церкви, убѣжденія, находившаго себѣ опору и въ официальной догмѣ о нерасторжимости связи православія съ самодержавіемъ. И обратно, — только внутренне норвавъ съ социализмомъ и радикализмомъ могла группа бывшихъ марксистовъ начать поиски новыхъ идеалистическихъ и религіозныхъ «Вѣхъ».

Съ тѣхъ поръ много воды утекло и очень многое въ исторической обстановкѣ измѣнилось кореннымъ образомъ. Самодержавіе пало, православная церковь изъ слуги и пособника угнетателей сама превратилась въ гонимую, и кровью своихъ мучениковъ очищена отъ грѣха прошлаго. Болѣе того, въ переживаемыхъ церковью испытаніяхъ съ исключительной силой проявилась вѣчная и нетлѣнная правда православія, какъ религіи высшей духовной свободы. Не являются ли при такихъ условіяхъ уже незаконнымъ пережиткомъ прошлаго тѣ недоумѣнія и обвиненія, которыя раздаются по адресу «Совр. Зап.»?

Защищаемому на страницахъ «Совр. Записокъ» тезису о возможности и желательности соединенія подлинной религіозности съ глубокою преланностью дѣлу свободы и даже социализма, — противопоставляются рѣшительныя возраженія и справа, и слѣва. Мотивы несогласія и выдвигаемыя аргументы у правыхъ и лѣвыхъ, конечно, различ-

ны. Однако, и тѣ, и другіе сходятся въ основномъ выводѣ: религія и свобода, церковь и социализмъ — не совмѣстимы; тотъ, кто пытается все же ихъ соединить, измѣняетъ или религію — говорятъ справа, — или свободу, — утверждаютъ слѣва.

Важность затронутыхъ въ спорѣ вопросовъ, не впервые встающихъ передъ русскимъ общественнымъ сознаниемъ, очевидна. Серьезный интересъ къ проблемѣ религіи; обнаружившійся въ эмигрантской печати, далеко не случаенъ. Въ немъ лишь прорвалось наружу то, что до сихъ поръ оставалось подъ спудомъ: фактъ несомнѣннаго религіознаго подъема, совершающагося въ широкихъ **кругахъ эмиграціи**. Но неизмѣримо болѣе важно то, что ростъ и оформленіе религіозности въ эмиграціи является лишь отзвукомъ аналогичнаго же процесса въ религіозной области, происходящаго въ самой Россіи, — въ огромномъ масштабѣ и въ обстановкѣ совершенно исключительной по своему трагизму.

Въ эмиграціи — отъ досадныхъ фактовъ отмахнуться легко: достаточно объявить ихъ слѣдствіемъ специфическихъ для эмиграціи «болѣзненныхъ процессовъ», отнести ихъ за счетъ индивидуальнаго «поправленія» отдѣльныхъ бывшихъ свободомыслящихъ, наконецъ, свети нежелательное явленіе къ размѣрамъ узкой кружковщины. Но кто въ настоящее время рѣшится отрицать глубочайшее историческое значеніе событій, совершающихся въ религіозной области въ Россіи?

Какъ извѣстно, подъ прикрытіемъ якобы проведенія отдѣленія церкви отъ государства, въ Россіи православная церковь, сосредоточившая на себѣ главную ненависть большевиковъ, подвергнута неслыханнымъ гоненіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, гоня и преслѣдуя православную церковь, власть развиваетъ исключительную энергію для обращенія народныхъ массъ къ безбожью. Гигантская организациа пропаганды, охватывающая и пронизывающая всю страну, неустанно ведетъ активную борьбу съ религіозными «предразсудками» и проповѣдуетъ въ народѣ атеизмъ.

Результатъ этого безпримѣрнаго по своему размаху похода на народную вѣру также извѣстенъ: въ итогъ десятилѣтня двойной политики террора и оболъщенія, религіозное чувство въ народѣ не только не было убито; но оно еще выиграло въ глубинѣ и напряженности; православная

(Тихоновская) церковь, даже и разбитая въ ея внѣшней организаціи, сохранилась во внутренней ея цѣлости и связанности; моральный авторитетъ гонимой церкви только выросъ; она сохранила все свое вліяніе въ крестьянствѣ; болѣе того, пробудилось религиозное чувство и возникла церковная самодѣятельность въ кругахъ, до того времени остававшихся въ отношеніи къ церкви индифферентными — въ интеллигенціи, въ рабочемъ классѣ даже среди самой коммунистической партіи.

Православная вѣра, на протяженіи тысячи лѣтъ сопутствовавшая русскому народу въ его скитаніяхъ по историческимъ путямъ и бездорожьямъ, остается и послѣ «безбожной» революціи глубочайшимъ образомъ сращенной съ народной душой.

Осознаніе существа русской религиозной проблемы и правильное ея разрѣшеніе имѣютъ жизненное значеніе для судебъ Россіи. Установить къ ней то или иное отношеніе обязана каждая общественная группировка, претендующая на какую либо роль въ будущемъ. Стремленіе уйти отъ трагической проблемы подъ прикрытіе компромиссной формулы «религія -- частное дѣло каждаго» по меньшей мѣрѣ близоруко.

Ибо проблема православія съ равнымъ правомъ можетъ ставиться не только какъ проблема чистаго религиознаго сознанія, но и какъ раскрытіе содержанія русской культуры и смысла русской исторіи, наконецъ, какъ общественная задача правильнаго устройства церковной жизни въ рамкахъ государства.

Въ дальнѣйшемъ проблемы догматическія и религиозно-философскія, требующія особой компетенціи, нами сознательно оставляются безъ разсмотрѣнія, и наши бѣглыя замѣчанія касаются исключительно общественно-политической стороны связанныхъ съ религіей вопросовъ.

**
*

Возможно ли сочетаніе религиозности, въ частности религиозности христіанской, съ лѣвыми политическими убѣжденіями? Совмѣстима ли принадлежность къ социалистической партіи съ состояніемъ въ какомъ либо церковномъ общеніи, напр., въ православномъ приходѣ?

Для культурнаго европейца врядъ ли понятна самая

возможность постановки подобныхъ вопросовъ: широкая въротерпимость является одной изъ главныхъ основъ современнаго правосознанія, а примѣръ массоваго рабочаго движенія во всѣхъ странахъ показываетъ, что социализмъ способенъ объединить въ своихъ рядахъ какъ свободомыслящихъ, такъ и людей церковно-религіозныхъ.

Но Европа для насъ, русскихъ, даже тѣхъ, кто уже десятокъ лѣтъ практически знакомится съ ея порядками, очевидно, не указъ: по крайней мѣрѣ на поставленные выше вопросы мы продолжаемъ слышать опредѣленно отрицательный отвѣтъ, и при томъ съ обоихъ фланговъ эмигрантской ответственности, и справа, и слѣва.

Въ право-настроенныхъ кругахъ крѣпко держится убѣжденіе, что вѣра Христова является исключительной монополией «націоналистовъ, монархистовъ и консерваторовъ». Таково, думается намъ, настроеніе значительной части той прекрасной русской молодежи, которая участвуетъ въ Христіанскомъ Студенческомъ Движеніи, и которая въ простотѣ душевной полагаетъ, что невозможно истинному христіанину, не отрекаясь отъ Христа, стать социалистомъ. Но въ неразрывности связи православія съ монархической идеей продолжаетъ вѣровать не одна только зеленая молодежь, и не простецы только. Въ предустановленной связанности православной церкви только съ самодержавнымъ строемъ свято убѣждены фанатики Карловацкаго собора и стоящій за послѣднимъ Высшій Монархическій Совѣтъ. Предпочтительность для православія монархическаго принципа защищаетъ и умѣренный, культурный монархистъ кн. Г. Н. Трубецкой *). Наконецъ, чтобы не плодить примѣровъ, небезызвѣстный проф. Л. Карсавинъ также еще совсѣмъ недавно доказывалъ, что «церковь русская, конечно, можетъ желать только наилучшей формы государственности, — т. е. самодержавія», ибо «русскому народу нуженъ не только хозяинъ, но и Православный Царь, глава христіанскаго міра **).

*) Статья «Споръ о монархіи» въ IV кн журн. «Путь».

**) Ст. «О сущности православія» въ сборникѣ «Проблемы русскаго религіознаго сознанія» 1924 — Правда, это было еще до того, какъ Л. Карсавинъ былъ внезапно озаренъ истиной евразійства, и когда онъ еще продолжалъ вѣрить что «лучшей формой политическаго бытія является монархія, и монархія не конституціонная, а именно самодержавная», не испорченная «раціоналистическими выдумками» вродѣ англійскаго парламентаризма.

Въ нашу задачу здѣсь не входитъ разсмотрѣніе аргументовъ подобнаго рода. Конечно, — если бы православіе дѣйствительно имѣло внутреннее сродство только съ одной опредѣленной, и въ особенности съ самодержавно-монархической формой государственнаго устройства, — примирить съ православной церковью демократію и социализмъ было бы дѣломъ безнадежнымъ. Но ложность этого предразсудка слишкомъ очевидна. Онъ нашелъ уничтожающую критику со стороны Н. А. Бердяева въ журналѣ «Путь», а также на страницахъ «Сов. Зап.» (кн. XXXI). Изъ факта исторической связи монархіи съ православной церковью въ прошломъ не слѣдуетъ дѣлать выводъ о связи природной, по существу. Насколько широка можетъ быть тернимость православной церкви къ формѣ государственнаго устройства «царства Кесаря», — показываетъ хотя бы фактъ возносимыхъ въ настоящее время въ церквяхъ (даже Тихоновскихъ!) въ Россіи моленій о со-
вѣтской власти...

Болѣе существенны для насъ аргументы иного порядка, — тѣ, которые для доказательства тезиса несоединимости религіи съ социализмомъ выдвигаютъ не монархическую якобы природу православія, а антирелигіозную будто бы сущность социализма.

Въ этомъ послѣднемъ строѣ идей приходится повидимому разсматривать и характерный эпизодъ съ П. Б. Струве. Разслышавъ въ послѣдней книжкѣ «Совр. Записокъ» опредѣлено религіозный звукъ, Струве слѣшитъ сдѣлать выводъ отъ обратнаго, что стало быть «четыре социалиста революціонера», обозначенные на обложкѣ журнала въ качествѣ его редакторовъ, не вѣрятъ больше въ социализмъ, и, вѣроятно, вообще уже только бывшіе члены партіи социалистовъ революціонеровъ *) Исходитъ при этомъ Струве изъ собственнаго опыта — ему такъ же, какъ Булгакову, Бердяеву и Франку, пришлось въ свое время для того, чтобы ощутить правду религіозно-національнаго бытія Россіи, предварительно «пережить и преодолѣть социализмъ». Руководители «Совр. Зап.», полагаютъ Струве, продѣлываютъ очевидно теперь то, «что мы, авторы «Вѣхъ» и ихъ единомышленники продѣлали двадцать пять лѣтъ тому назадъ». И по поводу такого хотя бы и поздняго обращенія социалистовъ - революціоне

*) Газ. «Россія», отъ 14 февр. 1928

ровъ въ «либеральныхъ консерваторовъ» П. Б. Струве простодушно готовъ съ чувствомъ «глубокаго удовлетворенія» вознести молитву «Ныне отпушасяши»...

Въ простодушіе и въ глубокое удовлетвореніе почтеннаго П. Б. Струве намъ, впрочемъ, что то вѣрится плохо. Если путанному монархисту Казимъ-Бску *) позволительно устанавливать свое родство съ «Совр. Зап.» на основаніи статей Бунакова и Степуна по малой его младоросской грамотности, то Струве слишкомъ старый и искушенный политикъ, чтобы не разглядѣть, что «Совр. Записки» на роль пресемниковъ «Вѣхъ» вовсе не годятся. Его умиленное «Ныне отпушасяши» звучитъ, на нашъ по крайней мѣрѣ слухъ, достаточно неискренне.

Въ нашу задачу здѣсь не входитъ разъяснять П. Б. Струве, какъ и почему четыре социалиста революціонера, возглавляющіе «Совр. Записки» (отнюдь, кстати, не всѣ четыре повинные въ религіозномъ уклонѣ), все же продолжаютъ себя считать добрыми демократами и социалистами, и даже остаются до сихъ поръ полноправными членами партіи с.-р., — вопреки, правда, стараніямъ «лидера» партіи В. М. Чернова. Возможно, что съ точки зрѣнія Струве, судящаго о подлинности социализма по степени его приближенія къ коммунизму, редакторы «Совр. Зап.» социалисты плохіе. Важно однако то, что они то сами продолжаютъ себя утверждать какъ социалистовъ. И въ этомъ коренное отличіе ихъ жизненнаго пути отъ біографіи Струве: въ то время какъ Струве и его единомышленники могли придти къ утвержденію религіи только путемъ отказа отъ социализма, — сотрудники «Совр. Зап.» мыслятъ органическое сочетаніе социализма съ религіей.

Въ возможности провозглашенія такого новаго для русскаго общественнаго сознанія синтеза и заключается, на нашъ взглядъ, коренное и знаменательное отличіе эпохи, отражаемой «Совр. Записками», отъ той, когда четверть вѣка тому назадъ выступали «Вѣхи». Понадобилась революція, раскрѣпившая церковь отъ фатальной связи съ самодержавіемъ, — чтобы морально раскрѣпить и русскую интеллигенцію отъ тиранническаго догмата обязательной безрелигіозности.

Приходится однако считаться съ тѣмъ, что предубѣжденіе о принципиальной несочетаемости христіанства съ

*) Газ «Дни» отъ 22 апр с 1

соціалізмомъ владѣть до сихъ поръ не одними только монархическими или «либерально-консервативными» кругами: оно поддерживается также и большинствомъ современныхъ русскихъ религіозныхъ философовъ. Когда фельетонистъ А. Яблоновскій въ газетѣ «Возрожденіе» убѣжденно заявляетъ, что христіанинъ не можетъ быть соціалистомъ, ибо «безъ классовой ненависти не можетъ быть соціализма», то онъ вѣдь лишь въ элементарной формѣ повторяетъ то, что во всеоружіи эрудиціи и діалектики настойчиво проводятъ въ своихъ писаніяхъ такіе авторитеты, какъ Н. А. Бердяевъ или Б. П. Вышеславцевъ.

Особенно способна смутить такая позиція у Н. А. Бердяева, мыслителя и писателя весьма, казалось-бы, квалифицированнаго для сужденія по интересующему насъ вопросу: Бердяевъ менѣе всего можетъ быть заподозрѣнъ въ церковномъ монархизмѣ, его собственное ученіе, какъ бы къ нему ни относиться, всегда проникнуто пафосомъ духовной свободы; съ другой стороны, какъ бывшій марксистъ, онъ, конечно, хорошо знаетъ теорію и исторію соціализма. И какъ разъ Бердяеву всякое сопоставленіе и сближеніе христіанства съ соціализмомъ представляется «кощунственнымъ», ибо въ дѣйствительности по его мнѣнію существуетъ «полная противоположность и несовмѣстимость христіанства и соціализма». Не сочувствіе, а «религіозную тревогу» вызываетъ у Бердяева современное соціалистическое движеніе, ибо «соціализмъ есть устроеніе челоуѣчества на землѣ безъ Бога и противъ Бога», а соціалистическое государство есть «сатанократія» *). Н. А. Бердяеву вторитъ Б. П. Вышеславцевъ: «Природа соціализма во всемъ противорѣчитъ христіанскому идеалу», утверждаетъ онъ, — «христіанскій соціализмъ есть безсмысленное понятіе **).

Откуда, на чемъ основаны столь категорическія мнѣнія?

Нить разсужденія, развиваемаго Бердяевымъ и Вышеславцевымъ, выходитъ за предѣлы собственно религіозной философіи и ведетъ въ область ей чуждую, — въ сферу чистой политики. Выводъ относительно антирелигіозной сущности соціализма вытекаетъ у нашихъ философовъ изъ тезиса: подлинный, настоящій соціализмъ толь-

*) Н. А. Бердяевъ. Философія неравенства. 1923.

**.) Статя «Два пути соціальнаго движенія» въ IV кн. «Пути».

кс одинъ, это — коммунизмъ, насильнической, разрушительный и дикій; всякій же иной социализмъ, реформистскій, правовой, этическій «не имѣетъ права именоваться социализмомъ, ибо сущность социализма есть коммунизмъ» (Б. П. Вышеславцевъ). «Всѣ вы, социалисты революціонеры, меньшевики, правые социалисты всѣхъ толковъ, — не настоящіе социалисты. Настоящіе социалисты — коммунисты. Демократическій социализмъ типа Жореса не есть настоящий социализмъ» (Н. А. Бердяевъ).

Подобныя разсужденія не удивительны въ устахъ обычнаго публициста - социалиста изъ праваго лагеря. Но тамъ мотивы смѣшенія социализма съ коммунизмомъ достаточно ясны. Отъ философовъ мы, конечно, ожидаемъ и большей освѣдомленности и большей объективности. Присмотримся къ ихъ аргументаціи внимательно.

Тезисъ о томъ, что въ исторіи существовалъ только одинъ подлинный социализмъ, это — марксизмъ, да и то лишь въ его первоначальной, «абсолютной» формѣ, а что всѣ остальные социалистическія теченія, въ числѣ самъ марксизмъ болѣе позднихъ эпохъ, не могутъ считаться настоящимъ социализмомъ, — развитъ въ русской литературѣ десять лѣтъ тому назадъ покойнымъ П. И. Новгородцевымъ *). Явные слѣды вліянія его талантливейшей работы «Объ общественномъ идеалѣ» видны на цитированныхъ выше писаніяхъ Бердяева и Вышеславцева.

Свой тезисъ, предназначенный для развѣнчанія «социалистическихъ» претензій современнаго социалистическаго движенія, Новгородцевъ развивалъ съ большою эрудиціей и со свойственной ему научной объективностью. Но именно эти качества его труда приводятъ къ тому, что поставленное имъ себѣ заданіе показать «конецъ социализма» остается невыполненнымъ, — и наоборотъ, съ большою рельефностью обрисовывается процессъ того, какъ социализмъ XIX вѣка, вышедшій на историческую арену въ приданной ему Марксомъ грубо-материалистической, узко-классовой, антигосударственной, революціонно-насильнической формѣ, — съ теченіемъ времени, непрерывно эволюціонируя, превращается все въ болѣе

*) П. И. Новгородцевъ. «Объ общественномъ идеалѣ». Москва. 1917

идеалистическое и духовное, широко общественное, творческое и мирное движение.

Давасмый П. И. Новгородцевымъ портретъ того «научнаго» марксизма, который нашелъ себѣ выраженіе въ ученіи Маркса эпохи «Коммунистическаго Манифеста» (1847 г.), съ подлиннымъ вѣренъ. Намъ, русскимъ, имѣвшимъ несчастье черезъ 70 лѣтъ послѣ того на опытѣ собственной нашей страны пережить опытъ воплощенія въ жизнь этого изувѣрскаго ученія, его образъ особенно отвратенъ и жутокъ. Страшна основная демоническая идея Маркса — къ осуществленію положительнаго социальнаго идеала вести предѣльнымъ сосредоточеніемъ силъ ненависти и злобы. Но эта идея естественно вытекала изъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Въ мірѣ — реальны лишь экономическія отношенія, борьба матеріальныхъ интересовъ. Ими же опредѣляется содержаніе всей духовной жизни человѣчества — религія, философія, мораль, наука, искусство. Единственный праведный избранный классъ — промышленный пролетаріатъ окруженъ враждебной стѣной остальныхъ классовъ, и долженъ имъ отвѣчать законной ненавистью. У пролетарія нѣтъ отечества, нѣтъ своего народа. Государство — это только орудіе классоваго господства буржуазіи. Религія — не имѣетъ никакого смысла, ибо «все таинственное, что ведетъ теорію къ мистицизму, находитъ себѣ разрѣшеніе въ человѣческой практикѣ». Въ будущемъ совершенномъ обществѣ религія осуждена на исчезновеніе, всѣмъ духовнымъ запросамъ пролетаріата должно удовлетворять міросозерцаніе научнаго социализма. Въ настоящемъ же съ религіей возможна лишь непримиримая борьба, — ибо она есть только орудіе буржуазнаго міра, моральная санкція для существующихъ несправедливыхъ социальныхъ отношеній, иллюзія, предназначенная для отвлеченія мысли угнетенныхъ отъ реальныхъ золъ земли къ воображаемымъ благамъ небеснымъ. «Религія есть опиумъ для народа».

Спора нѣтъ, — если бы все содержаніе современнаго социализма сводилось лишь къ такому мрачному человѣконенавистническому ученію, — Новгородцевъ, Бердяевъ, Вышеславцевъ были бы совершенно правы: думать о совмѣстности такъ о го социализма съ христіанской религіей не приходится.

Но вѣдь извѣстенъ и другой ликъ социализма, симво-

лизируемый именемъ другого генія, не случайно оказавшагося вмѣстѣ съ Марксомъ у кодыбели современнаго социализма. Этотъ второй, свѣтлый геній — Лассаль.

Если ученіе Маркса вмѣщало въ себѣ по преимуществу негативную, антикапиталистическую стихію борющагося рабочаго класса, то Лассаль олицетворялъ собою положительное, общечеловѣческое, созидательное значеніе идеи социализма. Его «Программа работниковъ» — новый завѣтъ рабочаго движенія. Лассаль не игнорируетъ факта происходящей въ государствѣ классовой борьбы, но онъ не считаетъ государство только орудіемъ этой борьбы, а видитъ въ немъ и высшее нравственное единство. Не къ ниспроверженію современнаго общества во имя диктатуры пролетаріата призываетъ Лассаль, а къ положительному социальному творчеству въ рамкахъ правового государства, методами демократіи. Призывъ Лассалья обращенъ не къ одному только рабочему классу, а ко всему обществу въ цѣломъ, онъ стремится вызвать движеніе «общее, демократическое, народное, а не классовое только». Его призывъ — не къ «раздѣленію и враждѣ общественныхъ классовъ, а къ примиренію, къ е д и н е н і ю, въ который должны откликнуться всѣ враги привилегій и угнетенія народа привилегированными сословіями, это кличъ л ю б в и, который, однажды раздавшись изъ сердца народа, навѣки останется истиннымъ лозунгомъ его и по своему внутреннему характеру будетъ даже тогда кличемъ любви, когда грянетъ браннымъ кличемъ народа»:

П. И. Новгородцевъ, а за нимъ Н. А. Бердяевъ и др. упорно твердятъ, что подлинный ликъ социализма обнагужилъ себя только въ крайнемъ марксизмѣ. «Лассалеанизмъ есть социализмъ только по имени» (Новгородцевъ) во всемъ же остальномъ не-марксистскомъ социалистическомъ движеніи, а также въ позднѣйшемъ ревизионистскомъ марксизмѣ они готовы въ крайнемъ случаѣ снисходительно видѣть лишь «демократическую политику социальныхъ реформъ». Изъ антирелигіозной же сущности марксистско-коммунистической разновидности социализма они заключаютъ о несовмѣстимости съ христианствомъ социализма вообще.

Основаніе для того, чтобы считать марксизмъ-коммунизмъ «самымъ настоящимъ и при томъ единственно настоящимъ социализмомъ» усматривается въ томъ, что

только марксизмъ изъ всѣхъ социалистическихъ построе- ній является цѣлостнымъ самодовлѣющимъ м і р о с о з е р - ц а н і е м ъ. «Только у Маркса социализмъ въ полной мѣрѣ становится не частнымъ выводомъ какой-либо другой си- стемы возрѣній, а самостоятельнымъ міросозерцаніемъ и всеобъемлющей основой для проявленія мысли и жизни,— поясняетъ Новгородцевъ. «Марксизмъ становится ключемъ и разгадкой мировыхъ противорѣчій, разрѣшеніемъ проблемъ зла и страданія, отвѣтомъ на вопросъ быть или не быть среди людей земному раю, всемогуществу чело- вѣческаго разума, всеобщему счастью и совершенству».

Даваемая въ этихъ словахъ характеристика марк- сизма (первоначального, эпохи Коммунистическаго Ма- нифеста), какъ цѣлостной міросозерцательной систе- мы — совершенно вѣрна. Но, конечно, тенденція свести всѣ остальные социалистическія теченія только къ вари- антамъ «демократической программы социальныхъ ре- формъ» есть искусственное упрощеніе сложной проблемы. Социалистическія программы XIX — XX вѣка являются по- пыткой теоретически обосновать особое, хотя и не про- явленное еще сознаниемъ мироощущеніе класса трудящихся. Представляя собою нѣкоторое единство, коллективную личность, этотъ классъ отличается специфическимъ для него сочетаніемъ моральныхъ, правовыхъ и др. представ- леній (солидарность трудящихся, право труда, право на достойное существованіе и пр.), которыя въ своей сово- купности уже являются зачаткомъ извѣстной идеологии. Безъ наличности такого міросозерцанія, эмоционально окрашеннаго и проникнутаго волевымъ напряженіемъ, ра- бочее и социалистическое движеніе не могло бъ вырасти за послѣдніе полъ вѣка въ ту крупнѣйшую историческую силу, безъ и внѣ которой уже не возможенъ дальнѣйшій ростъ прогресса человечества.

Правда, это трудовое социалистическое міросозерцаніе не обладаетъ неподвижной догматической законченностью и метафизическимъ универсализмомъ первоначального ученія Маркса. Но какъ разъ въ этомъ мы видимъ не отри- цательный, а положительный признакъ современнаго со- циализма, и отнюдь не основаніе для оспариванія его под- линности. Наоборотъ, произошедшее со времени Комму- нистическаго Манифеста раскрытіе социалистическимъ программамъ отъ обязательной связи съ опредѣленной ис- торіософіей или метафизикой намъ представляется явле-

ніемъ прогрессивнымъ, свидѣтельствующимъ о жизненной зрѣлости социализма. Само собою разумѣется, что такое отдѣленіе социалистической программы отъ общеобязательной партійной метафизики, «секуляризація» социализма, по выраженію кажется П. Б. Струве, отнюдь не противорѣчитъ тому, что въ индивидуальномъ сознаніи отдѣльнаго члена партіи ея программа входитъ органической частью въ его общее міросозерцаніе — исторіософское, моральное, философское или религіозное *).

Убѣдительно, однако, чѣмъ всѣ теоретическія разсужденія, отвѣтила на вопросъ о подлинномъ ликѣ социализма вся исторія социалистическаго движенія во второй половинѣ XIX и въ первую четверть XX в. в. Мы здѣсь не будемъ ее излагать, да она и достаточно общеизвѣстна, и смыслъ ея не подлежитъ разнымъ толкованіямъ. Не говоря уже о томъ, что въ рядѣ странъ, возникли самостоятельныя, идейно болѣе широкія не-марксистскія движенія (французскій синдикализмъ, англійскій трудовизмъ, русское народничество и др.), въ самой Германіи, родинѣ классическаго марксизма, послѣдній претерпѣлъ въ дальнѣйшемъ глубочайшее перерожденіе, оставившее отъ первоначальнаго «научнаго социализма» Маркса пожалуй одно лишь его имя. Ортодоксальный марксизмъ съ самаго своего возникновенія обнаружилъ свою непригодность для руководства повседневной борьбой рабочаго класса, поскольку онъ отрицалъ самую возможность постепеннаго преобразованія буржуазно-капиталистическаго общества. При соприкосновеніи съ реальной жизнью марксизмъ неизбежно долженъ былъ придти къ самоотреченію. — что онъ и началъ дѣлать еще при жизни и съ участіемъ его основоположниковъ. Дальнѣйшая эволюція марксизма есть послѣдовательный, шагъ за шагомъ, переходъ съ ортодоксальныхъ позицій на реформистскія, рядъ грѣхопаденій, болѣе или менѣе искусно прикрываемыхъ марксистской «діалектикой». Лассалианскія государственныя и демократическія традиціи по всей линіи торжествуютъ

*) Поэтому, напр., лично утверждая свое социалистическое міросозерцаніе на основѣ религіозной, мы однако считаемъ совершенно излишнимъ и вреднымъ образованіе обособленной христіанско-социалистической, православно-народнической партіи, а лишь отстизаемъ подлинную свободу религіозной совѣсти, соединимость социализма съ религіей внутри существующихъ социалистическихъ партій.

едь Мартовской классовой исключительностью. Отъ Коммунистическаго Манифеста, полуанархическаго евангелія абсолютной соціальной революціи — къ государственно-охранительной программѣ Шейдемана, Эберта и Носке, — таковъ огромный путь, продѣланный германской соціаль-демократіей. И надо признать, что лишь въ такомъ перерожденномъ, не «абсолютномъ» и не «подлинномъ» видѣ марксистскій соціализмъ могъ сыграть огромную историческую роль не только въ дѣлѣ организаци и воспитанія рабочаго класса, но и въ качествѣ одного изъ основныхъ устоевъ современной Германіи, крѣпость котораго германскій народъ имѣлъ случай оцѣнить въ годы послѣвоенной катастрофы.

Въ процессѣ всесторонняго перерожденія марксизма не могло остаться незатронутымъ и его первоначальное отношеніе къ религіи. Воинствующій атеизмъ Маркса, обязывающій къ активной борьбѣ съ религіей и церковью, оказывается стѣснительнымъ для партіи реальной политики, какой становится соціаль-демократія. Она отталкиваетъ отъ партіи широкіе народные слои, остающіеся вѣрными церкви. Въ этомъ соціаль-демократія убѣдилась не только во время избирательныхъ кампаній въ парламентъ, но и на опытѣ профессиональнаго движенія. Оттаккиваемые отъ соціализма его антирелигіозной позиціей рабочіе остаются подъ влияніемъ буржуазныхъ партій *).

Такія болѣе тактическія, правда, чѣмъ принципиальныя соображенія заставили германскую соціаль-демократію усомниться въ правильности открыто-богоборческой политики. Еще при жизни Маркса намѣтилось теченіе въ пользу болѣе нейтральной позиціи, выражающейся извѣстной формулой «религія — частное дѣло cadaquo». Но первая попытка провозгласить свободу религіозной совѣсти въ партіи на конгрессѣ въ Готѣ (1875 г.) потерпѣла крушеніе въ виду рѣзкаго протеста самого Маркса, находившаго такое провозглашеніе «буржуазнымъ»: рабочая партія, настаивая на томъ, не можетъ защищать религіозной свободы совѣсти, она стремится освободить совѣсть вообще отъ всякихъ религіозныхъ воздѣйствій И

*) Знаменательно, что число членовъ т. наз. христіанскихъ рабочихъ профессиональныхъ союзовъ въ Германіи за послѣдніе годы не только не падаетъ, но даже сильно возрастаетъ: съ 344 687 членовъ въ 1912 году, число ихъ членовъ поднялось до 1.000.770 въ 1919 г.

только на конгрессѣ въ Эрфуртѣ (1891 г.) религія окончательно объявляется частнымъ дѣломъ и социалистическая партія выставляетъ лишь требованіе отдѣленія церкви отъ государства и лаицизаціи школы.

Надо впрочемъ оговориться, что «нейтралитетъ», объявленный марксизмомъ по отношенію къ религіи, принятъ имъ по соображеніямъ чисто утилитарнымъ, и, будучи вынужденнымъ, по существу является нейтралитетомъ все же враждебнымъ. Если не всеобщимъ, то наиболѣе вліятельнымъ въ социаль-демократіи остается то «свободо-мысліе» (*Freidenkertum*), которое сводится къ извѣстной формулѣ Бебеля: «Христіанство и социализмъ относятся между собою какъ огонь и вода».

Марксистскій взглядъ на религію, какъ на стихію для социализма враждебную, оказалъ огромное вліяніе на социалистическую мысль въ другихъ странахъ. Укорененію такого предубѣжденія несомнѣнно способствовала и та отрицательная, реакціонная роль, которую въ прошломъ официальная церковь зачастую играла въ подавленіи свободы мысли и религіозной совѣсти, и та двусмысленная позиція, которую въ рядѣ странъ церковь занимаетъ по отношенію къ происходящей социальной борьбѣ между трудомъ и капиталомъ. Эта позиція, помогающая забывать о великомъ освободительномъ значеніи христіанства въ исторіи человечества, особенно затрудняетъ для многихъ искреннихъ социалистовъ процессъ естественнаго изживанія марксистскихъ предразсудковъ.

Дальнѣйшій сдвигъ къ нѣкоторому идейному углубленію западно-европейскій социализмъ переживаетъ уже на нашихъ глазахъ за послѣднее десятилѣтіе. Путь отъ официального свободомыслія къ подлинной духовной свободѣ безконечно долгъ и труденъ. Но глубокія потрясенія, пережитыя всѣмъ культурнымъ міромъ въ связи съ міровой войной и большевицкой революціей, не могли пройти безслѣдно и для социализма. И какъ въ прошломъ, честь пытливаго исканія новыхъ путей принадлежитъ по прежнему Германіи.

Страшное пораженіе въ міровой войнѣ привело германскій народъ къ крушенію вѣры во всемогущество чисто матеріальной культуры; встревоженная мысль неизбежно должна была обратиться къ изслѣдованію духовныхъ источниковъ жизни. «Спасеніе нѣмецкой души» становится лозунгомъ послѣвоенной эпохи. Съ большей,

чѣмъ когда либо, яркостью вскрывается и духовная нищета традиціоннаго міросозерцанія рабочаго класса — матеріалистическаго марксизма. Пристекающая отсюда счастье для общей культуры тѣмъ болѣе велика, что во убѣжденію даже такихъ стоящихъ внѣ официальной социалистической партіи мыслителей, какъ Зомбартъ, Наторпъ, Шпенглеръ, Ратенау и др., наступающая историческая эпоха должна пройти подъ знакомъ практическаго утвержденія социализма. «Социализмъ явится жизненнымъ укладомъ ближайшихъ столѣтій», говоритъ Зомбартъ. «Социализмъ есть не только классовый интересъ, но и общее дѣло, утверждаетъ Вильбрандтъ, — только черезъ социализмъ можетъ произойти возвратъ массъ къ счастью». Но для этого социализмъ долженъ переродиться, избавиться отъ матеріалистическаго обоснованія и отъ классоваго характера. Социализмъ есть не только программа, социальна - экономическихъ реформъ, но и призывъ къ нравственному обновленію. «Не производство должно быть готово къ социализму, — къ нему должна созрѣть душа» (Вильбрандтъ).

Совершенно очевидно, что такому новому, облагороженному пониманію социализма весьма мало отвѣчаетъ марксизмъ. «Основное значеніе марксизма заключается въ томъ, что злое начало — интересъ, ненависть ставится здѣсь на службу добраго — идеала, любви. Но тамъ гдѣ господствуетъ только это начало, оно приводитъ къ опусканию души, къ извращенію духовнаго настроенія. Современное социальное движеніе ужасающе бѣдно творческими идеями и созидательной любовью... въ революціяхъ господствуютъ пока только силы разрушенія и нечестивости..., безграничный маммонизмъ и наверху, и внизу» (Зомбартъ) «Школа Маркса постепенно привела къ тому, что раскрылась передъ нами скудость и пустота, говоритъ Вильбрандтъ, — она привела къ изгнанію души». И приводитъ къ парадоксально звучащему выводу. «социализмъ можетъ быть только тотъ, кто не марксистъ».

Новый духъ однако пробуждается и внутри самого социалистическаго движенія. Крайне интересенъ и показательный въ этомъ отношеніи Кассельскій паргейтагъ германской социаль-демократіи въ 1920 году. Здѣсь опредѣленно выявилось теченіе, стремящееся подвести подъ марксизмъ не матеріалистическія, а идеалистическія основы.

Делегатъ Вентигъ, поддержанный одобреніемъ присутствующихъ, призывалъ къ борьбѣ съ ложнымъ по его мнѣнію представленіемъ, будто германская социаль-демократія утверждается на материалистическомъ пониманіи исторіи. Въ томъ же духѣ высказался Лауфкеттеръ. Соціализмъ долженъ измѣнить свой материалистическій характеръ, въ немъ не должны преобладать хозяйственные вопросы. Если раньше социализмъ былъ вопросомъ желудка, то теперь онъ является проблемой культуры.

На томъ же Кассельскомъ партейтагѣ намѣтился и новый этапъ въ отношеніи социаль-демократіи къ религіи. При возгласахъ съ мѣстъ «*sehr richtig*» Лауфкеттеръ критиковалъ программную формулу «религія есть частное дѣло». Конечно, религія есть частное дѣло каждого, — поскольку этимъ хотять сказать, что она есть дѣло внутренняго убѣжденія отдѣльнаго человѣка. Но религія какъ социальное явленіе, церковь какъ общественное учрежденіе, несомнѣнно является также и общимъ дѣломъ, индифферентнымъ къ которому не можетъ оставаться ни государство, ни партія.

Послѣ открытой борьбы съ религіей у самого Маркса, скрыто-враждебнаго «нейтралитета» въ Эрфуртской программѣ, назрѣваетъ какъ будто новый, третій этапъ — благожелательнаго отношенія социализма къ религіи. Весьма далеко въ этомъ направленіи идетъ с.-д писатель Радбрухъ. Въ сборникѣ, выпущенномъ къ Кассельскому съѣзду, онъ также критикуетъ двусмысленность формулы «религія есть частное дѣло», могущей быть истолкованной въ смыслѣ враждебнаго отношенія партіи къ религіи. Поэтому Радбрухъ рекомендуетъ внести въ партійную программу особый пунктъ о «содѣйствіи развитію пролетарскаго міровоззрѣнія и пролетарской религіозности какъ въ предѣлахъ существующихъ религіозныхъ обществъ, такъ и за ихъ предѣлами»...

Такъ дерзновенно осмѣливается выступать противъ догмата обязательной арелигіозности видный нѣмецкій социалистъ. Какую бурю протестовъ вызвало бы со стороны нашихъ русскихъ социалистическихъ круговъ появленіе подобнаго предложенія гдѣнибудь на страницахъ «Совр. Записокъ»!..

Взаимоотношенія социализма и религіи мы иллюстрируемъ на примѣрѣ нѣмецкаго социалистическаго движенія главнымъ образомъ потому, что при характерной для нѣ-

мецкаго социализма серьезности въ разработкѣ теоретическихъ проблемъ эволюціи этихъ взаимоотношеній выступаетъ особенно отчетливо. Но, конечно, тотъ же процессъ смягченія кажущихся противорѣчій между религіей и социализмомъ въ не менѣ яркихъ чертахъ можно наблюдать въ социалистическомъ движеніи и другихъ странъ. Такъ, одинъ изъ лидеров австрійской социаль-демократіи, кичащейся своей ортодоксальностью и лѣвизной, Максъ Адлеръ свое марксистское міросозерцаніе строитъ на опредѣленно идеалистической и религіозной основѣ. Даже во Франціи, странѣ традиціоннаго свободомыслія и безрелигіозности, вовсе не безраздѣльно въ социалистической средѣ господствуетъ отрицаніе возможности внутренняго сочетанія религіи и социализма. Великій гуманистъ Жоресъ не только не ожидаетъ вмѣстѣ съ Марксомъ отъ торжества социализма окончательнаго исчезновенія религіозныхъ «предразсудковъ», — наоборотъ, онъ мечтаетъ о томъ, что именно это торжество и будетъ сопровождаться возрожденіемъ религіи: «Пришествіе истиннаго порядка, истинной справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ создастъ новый фактъ во вселенной, и сознаніе безграничныхъ возможностей, имъ открываемыхъ, позволитъ широкое обновленіе религіознаго чувства». Протестуя противъ утвержденія, будто социалисты являются фанатиками безрелигіозности, Жоресъ говоритъ: «Мы хотимъ, чтобы всѣ люди могли подняться до религіозной концепціи жизни, черезъ посредство науки, разума и свободы. Я признаю безъ колебанія, что христіанство есть высокая форма религіознаго чувства. Демократія должна не высмѣивать и не оскорблять старыя вѣрованія, а цѣнить то, что въ нихъ есть живого и истиннаго, что можетъ остаться въ освобожденномъ и выросшемъ человѣческомъ сознаніи».

Нечего и говорить объ англо-саксонскихъ странахъ Англіи, С. А. Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ принадлежность къ социалистической (и даже къ коммунистической!) партіи отнюдь не мѣшаетъ ея членамъ оставаться усердными прихожанами своихъ церквей. Англійская рабочая партія — опредѣленно социалистическая, хотя и не марксистская. Попытки обвинить партію въ матеріализмъ или атеизмъ лидеры ея разсматриваютъ, какъ клевету. «Матеріализмъ — пошлость, безсмысленное утвержденіе, онъ одинаково ненавистенъ какъ христіанству, такъ и социализму, утвер-

ждаеть Р. Макдональдъ: «соціализмъ вовсе не связанъ съ атеизмомъ, антихристіанствомъ. Напротивъ, онъ основанъ на Евангеліи. Онъ обозначаетъ хорошо продуманную и рѣшительную попытку охристіанить государство и общество».

Не вовсе чужды были религіозности и русской социализмъ, - по крайней мѣрѣ въ его народнической вѣтви. Правда, въ силу особыхъ взаимоотношеній церкви и государства въ дореволюціонной Россіи, церковная религіозность была одиозной въ глазахъ радикальнаго общественнаго мнѣнія, и религіозное чувство социалистомъ скрывалось въ тайникахъ души. Религіозны были Е. Сазоновъ, И. Каляевъ, П. Климова, М. Беневоля и многіе другіе члены партіи с.-р. Открыто исповѣдовалъ свои религіозныя убѣжденія покойный Н. В. Чайковскій.

На какихъ путяхъ, въ какомъ іерархическомъ стрѣбъ сочетаются въ душѣ русскаго революціонера - народника социалистическій идеалъ и подлинное религіозное чувство?

Исключительное по глубинѣ и духовной сосредоточенности раскрытіе путей такого сочетанія мы имѣемъ въ свидѣтельство понинѣ здравствующей старой народницы Е. К. Брешко - Брешковской, всю свою долгую подвижническую жизнь - ей 85 лѣтъ - отдавшей на служеніе добру, одной изъ основательницъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, и вообще одной изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ. Ея письмо къ другу, носящее автобіографическій характеръ, было опубликовано года два тому назадъ въ газетѣ «Дни». Читатель, надѣмся, не поспѣетъ на насъ за обширныя выдержки изъ этого замѣчательнаго документа, который лучше всякихъ разсужденій бросаетъ свѣтъ на существо интересующей насъ проблемы, и при томъ въ наиболѣе важномъ отношеніи, - со стороны ея внутренняго переживанія.

«Насъ было пять дѣтей у матери благочестивой, разумной, доброй, - разсказываетъ Е. К. Брешковская. — Совѣтъ малымъ дѣтямъ она уже читала и Старый, и Новый Заветъ; также избранныя мѣста изъ Житія Святыхъ. Въ мою душу эти уроки падали, какъ указаніе свыше и запечатлѣвались навсегда. Дѣйственная натура требовала немедленнаго приложенія къ жизни правилъ, преданныхъ Христомъ, Святыми, требовала слѣдованія ихъ примѣрамъ... Мое влеченіе ко всему страдающему человечеству росло вмѣстѣ со мною, а ученіе Христа служило мнѣ опорой и утѣшеніемъ..

Постоянно слышанное сужденіе, что люди не въ силахъ чѣ-

ти по стопамъ Христа, меня не трогало. Онъ училъ Значить, признавалъ насъ способными слѣдовать Его ученію. При томъ, такъ легко любить Его, любить всѣхъ страдающихъ за правду, всѣхъ «милостивыхъ» и съ чувствомъ великаго счастья идти за ними...

Такимъ сознаниемъ было полно мое міровоззрѣніе, когда я еще не читала ни одной социалистической книжки. Съ ними я впервые познакомилась въ тюрьмахъ, когда моя дѣятельность уже безповоротно опредѣлилась. Въ работѣ моей ученіе Христа всегда занимало центральное мѣсто...

Посильное служеніе Правдѣ стало для меня образомъ религіи. Во всѣхъ трудныхъ минутахъ я мысленно обращалась за помощью къ той Силѣ, коей все существующее обязано своимъ поступательнымъ ходомъ. Въ ней, въ этой Силѣ, безконечно мудрой и безконечно предвидящей, я не перестаю черпать сознание цѣлесообразности усилийъ человѣка въ достиженіи высшаго порядка чувствъ и мыслей. Я ей молось, я ее призываю. Безъ ощущенія присутствія этой Творческой Силы — Господа Бога нашего — мнѣ было бы лемно и бѣдно.

Социалистическія теоріи (и старыя, и новыя) не являлись для меня откровеніемъ жизненной правды... Для меня лично это были кодексы хозяйственнаго и политическаго устройства народовъ на болѣе справедливыхъ пачатахъ, но никакъ не идеалы сожигія существъ съ высшими запросами ихъ духовной жизни. И, говорю откровенно, — не «социализмъ» руководилъ моимъ личнымъ отношеніемъ къ людямъ, и не его нормами влекла я и молодыхъ и старыхъ къ работѣ на поднятіе достоинства человѣка...

Такимъ образомъ, ученіе христіанское ставлю несравненно выше социалистическаго. Постѣднее имѣетъ глубокое значеніе лишь тогда, когда оно озарено свѣтомъ словъ Христа.

Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею, всѣмъ разумомъ, всею силой.

Люби ближняго твоего, какъ самого себя.

Безъ такого напряженія души нашей социализмъ остается теоріей, а не ученіемъ жизни.

Этими проникновенными словами Е. К. Брешковской, къ которымъ мы можемъ только полностью и отъ всей души присоединиться, мы и заканчиваемъ нашу статью.

Выясняя возможность сочетанія религіи и социалистическихъ убѣжденій въ міросозерцаніи индивидуальномъ, мы оставили безъ обсужденія проблему общественную. — объ установленіи правильныхъ взаимоотношеній между государственнымъ коллективомъ въ цѣломъ и церковью, какъ объединеніемъ вѣрующихъ. Къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ въ этой области мы надѣемся еще вернуться.

В. Рудневъ.